

"Вера Кузьминична - Великая Актриса. Для меня в истории русского театра ее имя стоит рядом с именами Савиной и Ермоловой. Величие ее в неиссякаемом творческом начале. Ее вечная молодость и красота - порождение огромного духовного богатства, которое она щедро отдает людям. Я люблю ее! Восхищаюсь ею. Работа над Раневской была для меня удивительным процессом. Ее Любовь Андреевна сразу покоряла своей душевной чистотой, драматизмом, верой в жизнь, несмотря ни на что..." Вера Ефремова

Жизнь шла, годы мчались, приближая к финишу...

И вдруг два неожиданных, но подспудно желанных события вошли в мою жизнь. Я оказалась в городе моего детства, да еще в роли, о которой мечтала! И свои ощущения я могла бы назвать единственным прекрасным словом --счастье!

Случайная встреча в поезде (мы ехали на праздник искусств в Чебоксары) с Верой Андреевной Ефремовой - главным режиссером Тверского драматического театра. Мы разговорились о моей родине, о профессии, о мечте, которая скорбно умирала в моей душе - и... (о, счастье!) выяснилось, что в Тверском театре, которым руководит Ефремова, вот уже девять лет идет "Вишневый сад", но последние два года его не играют, так как исполнительница роли Раневской -переехала в другой город. И Ефремова, присмотревшись ко мне, прислушиваясь к моим размышлениям, вдруг полушутя-полусерьезно предложила мне сыграть в ее спектакле эту роль, заметив, что вообще-то гастролеров она не признает и в спектакль надо войти хоть и по-своему, но бережно сохранив все то, что было сделано.

Так возникло неожиданное в моей жизни творческое содружество, сопряженное с огромными трудностями, сомнениями, неуверенностью, страстной жадой трудиться и что-то из своих сокровенных мечтаний, размышлений реализовать на сцене.

Я стала приезжать в свои свободные дни в Тверь для встреч и репетиций с Ефремовой. Дома, в Москве, окружив себя книгами Чехова и о Чехове, о Московском Художественном театре и о первой постановке "Вишневого сада", я замкнулась на этой теме и, бесконечно вчитываясь в пьесу, пытаюсь запомнить свою роль без партнеров (что очень трудно), вошла в мир чеховских героев, считала дни, когда наступит желанная репетиция. К волнению по поводу роли прибавилось и чисто человеческое волнение, так как город Тверь - родина моих родителей, и там, под Тверью, в деревне Сухой Ручей я провела свое детство. Самое замечательное, что в дни премьеры пришли почти все мои деревенские подружки, ставшие уже немолодыми женщинами, - добрые, простые, жаждущие поговорить, расспросить, рассказать.

Вот такую записочку (одну из многих) я получила, играя в Твери: "Вера Кузьминична! Александра Семеновна - я твоя няня, я пришла к тебе в театр, если можно с тобой повидаться, тебе было 3 годика я тебя няньчила проживаем мы в Твери наш адрес пр. Ленина д. 20 кв. 20 Ананьева".

Можете себе представить, как я обрадовалась, прочитав эту записку, как я была счастлива прижаться к этой старой родной женщине, обнять ее!

Хочу поделиться с читателем и своей благодарностью, своей любовью к этому городу, к этому театру, к моим партнерам и к талантливой, эмоциональной, беззаветно любящей театр Вере Андреевне Ефремовой.

А теперь я попробую описать подробно, как я играю эту роль, что чувствую, что я хочу сказать этой работой.

Это не критический разбор спектакля, это взгляд изнутри.

Прежде всего несколько слов о наших репетициях с Верой Андреевной, ведь это у нее было как бы третье прикосновение к чеховской пьесе. Первая постановка - на калужской сцене с Ванеевой в роли Раневской. Читая книгу Веры Андреевны, а также прессу об этом спектакле, я понимаю трепетное отношение режиссера и всех актеров к этой работе. Второе прикосновение это спектакль на сцене Тверского театра с Верой Сурудиной в главной роли. И снова, судя по книге Веры Ефремовой "Поиски сути",-

особое отношение к теме. И, наконец, репетиции со мной, когда я чувствовала, как вся душа Веры Андреевны настраивалась на то, чтобы уловить новое, исходящее от моей индивидуальности, от нашего с ней нового взгляда, не искалечив того, что сделано в спектакле другими актерами. Более бережного, более чуткого, более творческого, и в то же время волевого отношения к актеру со стороны режиссера в спектакле трудно себе представить.

И вот первый спектакль 25 февраля 1984 года. Я еду из Москвы в Тверь на машине, рядом со мной притихшие родные, которые едут на премьеру, а навстречу мне мчится сказочной красоты белоснежная, покрытая сверкающим инеем дорога, и ветви деревьев словно кланяются мне. Хочется плакать от восторга, от нежности, от любви к родной земле, к стране своего детства!

Наверное, все эти чувства потом питали меня на сцене в роли Раневской. Ведь моя героиня тоже возвращается после долгого отсутствия в родные места, к родному порогу. Она возвращается из-за границы, а это всегда вызывает особое обостренное чувство родины. И мне кажется типично русской чертой любовь-жалость к родному. Ведь мы часто страдаем от всего, что кажется плохим в нашей жизни, но жизнь свою не мыслим без этого страдания и сострадания, оно делает нашу душу богаче.

Недаром Раневская говорит: "Я не могла смотреть из вагона - все плакала". Наверное, это то же чувство, когда едешь в поезде и видишь просторы и тут же покосившиеся домики, разоренные заборы, мусорные свалки. И грустно, что не такие мы ухоженные и эстетичные, как другие, и тепло на душе от этой неумелости, от этого нашего "авось".

Эта земля с лопухами, с курами, с высохшими прудами и речками, с нерасчищенными лесами! Может быть, и хочется, чтобы все стало красивым, ухоженным, выложенным камушками, цветочками, а любишь всю эту заброшенность. Любишь и жалеешь.

Первый спектакль я играла, не владея собой,- чувства слишком захватили меня. Мне было стыдно, что я не была хозяйкой своего состояния, а состояние владело мной. Потом я постепенно овладевала ролью и жизнью, которая проходила на сцене, становилась для меня незабываемым счастьем, о котором я и хочу немного рассказать.

Актеры Тверского театра приходят за час-полтора до начала спектакля. Всюду сосредоточенная тишина, дорогие наши помощники - гримеры и костюмеры - внимательны и предупредительны. Гримируются по четыре человека в одной гримуборной, и никаких посторонних разговоров, шуток не слышно. Все очень бережны к своей и чужой душе, тишина, сосредоточенность...

Но вот третий звонок. Надев в последний момент маленькие башмачки на высоком каблуке, редкостной красоты шляпу (создание художницы Аллы Давыдовны Смирновой) и накинув на лиловое изысканное платье (эскиз художника Левенталю) старинную бархатную накидку, взяв бархатную черную, расшитую бисером сумочку в руки, я иду за кулисы и на темной сцене тихо сажусь в уголке в ожидании выхода на сцену.

Обычно костюмы шьются в театре по эскизам художника, оформляющего этот спектакль. Актер принимает участие, заранее обсуждая с художником свой костюм, который потом поможет ему стать тем человеком на сцене, какой обычно рисуется для себя в своем воображении.

Но здесь я была одна, и мне дана была трудная и прекрасная возможность одеть себя так, как мне самой кажется правильным.

Обычно костюм другого исполнителя всегда бывает чужероден, поэтому я даже не видела костюмов своей предшественницы. Я обратилась к Левенталю, который неоднократно в разных театрах оформлял "Вишневый сад", - я его очень люблю и ценю как великолепного художника мирового класса. Зная, что у него много разных эскизов к роли Раневской, я попросила его дать мне тот, что ему кажется близким мне.

Он очень охотно принес мне два неиспользованных в других театрах эскиза костюма Раневской. На этих эскизах она была одухотворенной, таинственной, печальной и прекрасной незнакомкой.

Увидев эту женщину, мне захотелось, насколько мне отпущено судьбой способностей, приблизиться к этому идеалу.

Внутренне мне Раневская кажется цельной и в то же время изменчивой. Главными свойствами ее характера я считаю искренность чувств и женственность со всеми противоречиями женской натуры.

Сама для себя я ее называю "оторвавшийся осенний лист" или "гонимая ветром": из России в Париж,- потому что утонул сын Гриша (виновата бесконечно), из Парижа в Россию,- потому что любимый бросил, обобрал (виновата перед своими дочками Аней, Варей, перед братом), а потом обратно в Париж -из навеки покинутого родного гнезда, снова неприкаянная.

Итак, я тихо сижу в уголке, ожидая выхода на сцену. Пока на сцене темно, тихо, но вот возникла печальная, словно задумчивая музыка, раздвинулся занавес - слышу первые слова Дуняши, Лопахина. А рядом тихо сидит и смотрит огромными серыми глазами скромно одетая Варя (артистка Наина Хонина), стоит тоненькая Аня (артистка Вера Рычкова), подошел и пожал мою руку, видя мое волнение, мой брат по сцене Гаев (артист Николай Бутрехин)... С собачкой на руках примостилась рядышком на каких-то деталях декораций Шарлотта (артистка Антонина Вольская). Мы все в ожидании: сейчас раздастся звон приближающихся бубенцов и мы подъедем к нашему родному дому.

Подъехали.

Суматоха, радостные, взволнованные возгласы. Подбегает Дуняша, полная искренней радости (артистка Ирина Андрианова) и взволнованный Ермолай Лопахин (артист Александр Чуйков).

И здесь мне хочется привести небольшой отрывок из письма актрисы Андриановой, играющей Дуняшу. По моей просьбе она написала мне то, что испытывала, играя в нашем спектакле.

"Я встречаю Раневскую, трепещу от каждого шороха и звука. У меня нет парных сцен, моя единственная сцена с Раневской за кулисами. Да, да! Именно за кулисами, где со словами: "Я упаду, ах, упаду!" - я припадаю к озябшим трепетным рукам Раневской. Ее перчатки еще пахнут Парижем, но она уже готова обнять отсыревшие стены родного дома.

Потом на сцене все стоят вокруг Любви Андреевны, а она снова знакомится со своей детской, оглядывает комнату с болью, с восторгом, со слезами, и понимаешь, что это в последний раз..."

Я, Раневская, вхожу, не смея переступить порог, виноватая, что покинула пять лет назад родные места, от волнения молча прислоняюсь к двери. На вопрос Ани: "Ты помнишь, какая это комната?" - робко отвечаю: "Детская!", - но так, чтобы никто не заметил охватившего волнения, виноватости и робкого счастья. Дома! Знакомые добрые лица, всех хочется обнять и хочется остаться одной, чтобы унять волнение.

Вероятно, кому-то покажется нескромным то, что я пишу о том, как я играю Раневскую, но это и выстраданное мое счастье, и мое прощание, это немыслимость расставания, когда, казалось бы, только еще надо расцветать, освобождаться, стать глубже, приближаться, насколько мне отпущено судьбой таланта, к роли, к Чехову, но это все-таки прощание с мечтой, прощание с ролью, с любимившимся мне спектаклем. Поэтому я буду писать подробно о том, что чувствую, играя каждый кусок роли, не потому, что это хорошо, а потому, что мне это невыносимо дорого и, описывая все, я вновь всё проживаю - а это для меня счастье!

Сцена оформлена по-старинному: достоверная уютная мебель, светлые стены дома, наверху, словно кружево,- переплетение цветущих вишневых деревьев, соединяющихся и как бы поднимающихся ввысь, поэтично заканчивая оформление этого спектакля.

Я стою, прислонившись к двери. Жажду дотронуться до кресла-качалки, стоящего в центре сцены. В детстве я забиралась на это кресло. Меня влечет сюда, в мир воспоминаний, когда счастье просыпалось вместе со мной каждое утро, но я в то же время боюсь этого дома, этих мест, связанных с гибелью моего сына Гриши.

И вот - мой монолог: "О, мое детство..." это не только воспоминание, это взрыв, молитва к природе - хочу вымолить у этой красоты силы для себя.

Я поднимаю руки: какой изумительный сад! Белые массы цветов, голубое небо! Я вся -

порыв, молитва, любовь, мольба, надежда. И тут тихий, нервный голос Пети, в нем осторожность, нежность, невозможность молчать: "Любовь Андреевна!.."

От партнера зависит очень многое, возникает нервное напряжение, тональность, которая окрашивает роль независимо от того, как ты ее задумываешь. Партнер вносит свои полутона, оттенки, нерв - все это неуловимо присутствует, как бы я ни следовала задуманному.

Например, в "Свадьбе с приданым" влюбленность моего Максима делала меня - Ольгу - по-девически пугливой и в то же время озорной, точно я пробовала свою власть.

Ленивое, обаятельное и поверхностное отношение к моей Розине графа Альмавивы в исполнении Александра Ширвиндта делало меня тоже более поверхностной, но не лишенной женского кокетства, капризности куколки. И мне нравилось, что это играется именно так, а не глубже. Глубже стало бы одновременно и тяжеловеснее, а для нашего ажурного спектакля это было бы чужеродно.

В "Вишневом саде" роль Пети Трофимова играет артист Виталий Синицкий, в других ролях я его не видела, в жизни тоже очень мало и редко общалась, а вот через роль и через сцену я ощущаю его поддержку. Его Петя умен, ироничен, но наивен - вечный студент, и в то же время по отношению к Раневской я чувствую его огромную жалость, нежность и бережность.

И когда в первом акте раздается голос Пети,- для меня это голос из другой жизни, из жизни совести, греха, моего преступления. Руки опускаются, боюсь поднять глаза, боюсь подойти, и, когда подхожу,- долго всматриваюсь. Ведь через него я чувствую свою вину: погибший сын, несчастная страсть к другому человеку - мой грех, мое вечное неискупимое наказание.

Мне бы хотелось, чтобы за интеллигентностью, изяществом и женственностью Раневской все время чувствовалась бы неустойчивость души перед отчаянием, катастрофой, которая вкрадывается в душу неожиданно и от этого еще страшнее. Цепляюсь за разум, за желание помочь, понять, но обрыв, катастрофа должна подспудно существовать все время. Это конец любви, конец женщины, хотя она все еще

кажется прекрасной.

Приезд Раневской, как и вся ее жизнь, - временны.

Постоянное возможно в ее жизни только в случае полной катастрофы падения. Жизнь как спокойная пристань - не для нее. Раневская за границей слишком во многом разочаровалась, потерялась. Ей нужно обрести себя. Наверное, в самые тяжелые минуты ей вспоминались родные дом, сад, где она нужна, понятна, и это давало силу жить.

Ей мечталось оказаться среди родной обстановки, чтобы обрести себя, стать самой собой.

Но Раневская очень искренняя женщина, и если все, о чем она мечтала, покидая Париж, не согреет ее душу, не наполнит терпением, силой, она не сможет притворяться перед самой собой и тогда рухнет последняя надежда обрести себя. И если в первом акте, получив телеграммы из Парижа, я жестко рву их и говорю, что с Парижем кончено, то во втором акте, получая телеграммы с просьбой о прощении, я уже не в силах им сопротивляться.

Все мне немило на моей родной земле без любимого. И монолог "О, мои грехи" - это не столько просьба о прощении за грехи, это скорее мольба Богу: дай мне жить по-прежнему, разреши мне быть самой собой, не наказывай меня за это, даже если это дурно! А может быть и не дурно?

Во втором акте я улетаю от них душой в Париж, к любимому. В своем белом кружевном платье с белым зонтиком и в прекрасной белой кружевной шляпе, я вся уже не с ними. Лишь на минуту звук лопнувшей струны заставит содрогнуться душу, на минуту, как возмездие, возникнет прохожий и все исчезнет навсегда...

Третий акт "Вишневого сада" я очень люблю. Занавес закрыт. Когда начинает звучать музыка, я кладу руки на плечи Пети. Я не знаю, что чувствует актер Виталий Синицкий,

играющий Петю, но мне кажется, что ему меня очень жаль и мне это помогает.

Может быть, мое личное чувство одиночества сливается с чувствами Раневской, которые многократно усиливаются.

Начинается странный трагический, призрачный, нереальный бал. Мне кажется, что сцена вся в мерцании: тусклая люстра, потемневшее кружево, что-то похожее на паутину, какой-то полумрак, танцующие медленно люди... Музыка, как назойливая мысль, как навязчивая идея, которая вращается по спирали.

Раздается голос распорядяющегося танцами, но танцующие бесплотны, словно привидения, и если бы это было в кино, я бы всех нас могла вообразить одетыми в серый саван, сквозь который угадываются скелеты. Нет жизни, есть ее видимость.

В танце ухожу за кулисы, стою, пока мимо меня проносятся пары в веселой и тоже призрачной полечке. Выхожу вновь, не скрывая беспокойства. Иду через всю сцену, охваченная тревогой: "Отчего так долго нет Леонида? Что он делает в городе?" Вижу газовый серый шарф на стуле - предмет ненужного бала,- беру его как бессмысленность: "И музыканты пришли некстати, и бал мы затеяли некстати..." Поиграла шарфом, села на стул, ведь выхода нет, и трезво: "Ну, ничего..."

Выходит Шарлотта, показывает фокусы. Мне кажется, что в нашем спектакле эта сцена не производит должного впечатления. Нет трагического клоуна, каковым мне представляется роль Шарлотты, нет трагического баланса, нет тайны, а все это мне кажется необходимым в этой сцене.

Чехов в силу своей природы и своей профессии видел жестокую правду жизни, но эта правда всегда была опоэтизирована его состраданием.

Сцена бала для Раневской - кульминация отчаяния, неустойчивости, крик души: "Я могу сейчас крикнуть, могу сделать глупость, спасите меня, Петя, говорите мне что-нибудь, говорите".

И в то же время это не подчинение горю, не пассивное принятие жизни, а протест, который можно выразить словами: "Это камень на моей шее, и я иду с ним на дно, но я люблю этот камень, я жить без него не могу".

Так может сказать человек, страстно жаждущий не сломиться, остаться самим собой.

Теперь о Пете. Если бы Петя был другим, может быть, все было бы у меня по-другому. Но этот Петя - не сентиментальный, не чувствительный, как бы против самого себя, своего сознания настолько жалеет меня, настолько ощущает ужас моего состояния, что заставляет меня искать у него помощи.

В его глазах ужас и нежность, точно рядом гибнет ребенок.

"Спасите меня, Петя, говорите мне что-нибудь, говорите!" Я - Раневская - вижу в глазах Пети больше, чем он говорит. Я хочу слышать это, хочу забыться в лавине эмоций, мне мало просто сочувствия, я хочу, требую, молю - лавины чувств, безрассудства.

И его скупые слова - "Я сочувствую вам всей душой" - возвращают меня на землю, я перевожу себя в материнское чувство - своим разумом, трезвостью, волей не даю унести себя в пропасть женского, греховного, бесовского начала. Ведь бесовское - это шажок - и пропасть.

Поэтому, отрезвев, я говорю: "Но надо иначе это сказать, иначе". И очень интимно, сокровенно, как близкому человеку говорю: "У меня сегодня тяжело на душе, вы не можете себе представить..."

Репетируя со мной, Вера Андреевна Ефремова не раз вспоминала Достоевского. Не знаю, прочитывается ли в моей Раневской такая черта женская, греховная, бесовская. Зная свою сценическую натуру как спокойную, не взрывную, я хотела, чтобы в этой роли была подспудная сила, внешне может и не выраженная, но она должна присутствовать

внутри, и тогда появляется тайна или тень, которая заставляет думать, разгадывать - манит.

Господи! Какое счастье подарил Чехов актрисе, которой выпало играть Раневскую! В ней есть все - глубина, лиризм, искренность, непредсказуемая женственность, греховность и бесконечное обаяние.

Ведь только минуту назад, думая о продаже вишневого сада, Раневская была в отчаянии, в ужасе и вдруг, увидев пуритански строгие глаза Пети, уже готова смутить его: "И надо же что-нибудь с бородой сделать, чтобы она росла как-нибудь..." И он уже смотрит растерянно, как мальчишка,- какая она разная! Он не может понять ее.

А Раневской смешно от его растерянности, ей хочется усилить его смущение: "Смешной вы". И она уже на острие ножа. Слушает его, говоря о другом, думая о другом - о любимом, она полна греха, зазывности, очарования.

Раневская любима: "Каждый день получаю телеграммы - просит прощения, умоляет вернуться",- а раз любима,-значит, прекрасна, значит, все можно. Она вся - непоследовательность, каприз, женственность, и сама в эти мгновения не знает, куда это ее заведет.

Телеграмма в ее руках, она ласкает ее своим сердцем, глазами, руками. Телеграмма - часть любимого, она физически любима.

Эта сцена очень опасная и прекрасная, здесь нельзя быть только матерью, только дворянкой. Здесь подходит предел, но к этому пределу надо только подступить, но не переступить.

Я - Раневская - прошу прощенья за обидные слова: "Вы недотепа, смешной чудак, урод",- взгляд полон ласки, открытости и нежности: - "Ну я прощенья у вас прошу, ну Петя, чистая душа, пойдете танцевать". Разгоряченная разговором о любви, танцую с Петей близко, а потом вдруг все улечучивается, в душе лишь усталость и опустошение, и я

говорю просто: "Мерси, устала, посижу".

Наконец, долгожданное появление Лопехина. Мой вопрос: "Продан вишневый сад?" И когда поняла, что именно он купил, спрашиваю сразу состарившись: "Кто купил?" "Я купил",- стыдясь своего счастья, ответил Лопехин.

Лопехин в нашем спектакле - русский мужик, талантливый, с душой, понимающей красоту, с добрым сердцем.

Когда-то Раневская коснулась его нежностью, добротой, деликатностью и внешним очарованием, и было это в том возрасте, когда все воспринимается очень остро. И эти дорогие его сердцу ощущения он разрушает, купив вишневый сад. Покупка сада - это убийство своей души, и Лопехин плачет.

Свой монолог он произносит с истинным трагедийным размахом: "Музыка, играй! За все могу платить!", - и звучит в этом крике не радость, а отчаяние.

Звучит музыка, и тихо стонет мое - Раневской - сердце. Судьба моя решена. Аня успокаивает меня, слушаю и не слышу ее, пытаюсь встать, пытаюсь идти, себя не осознаю, вижу в глубине сцены Петю, бегу, не зная куда... В таком состоянии человек может лишиться себя жизни. Здесь все на грани смерти -- и в настоящем, и в будущем.

Четвертое действие. Жизнь сломана. Все кончено. Оторванный листок продолжает свой путь в никуда. Сборы, разговоры, прощание следует за прощанием - с дочерью, с близкими, со старым домом, с вишневым садом, с родиной... И... начинается отсчет по минутам. Это не просто отъезд, это последние минуты существования, за порогом этого дома я буду уже не я, а кто-то другой. Последние слова: я говорю с Лопехиным о своих двух заботах о Фирсе и о Варе. И здесь мне хочется вспомнить об артисте Виталии Кузьмиче Рассказове, игравшем Фирса.

Виталий Кузьмич вводился в этот спектакль одновременно со мной, так как прежний исполнитель этой роли ушел на пенсию. Я с огромной печалью и нежностью вспоминаю

наши репетиции и спектакли. Его тихую, преданную любовь ко мне, на сцене и в жизни. С печалью потому, что летом 1985 года во время гастролей Тверского театра в Минске мы попрощались с ним навеки. Умер мой Фирс...

Отыграв спектакль, он пришел к себе в номер, и больше живым его никто не видел. Я пришла к гробу с васильками, этими милыми цветами, которых так много было в моем детстве в деревне Сухой Ручей, где родился мой отец. Все вспоминали об актере Рассказове очень по-доброму. Сидели мы тихо, как большая, осиротевшая семья. Я думала о том, что в доме у меня еще стоит банка с вишневым вареньем и на бумаге написано: "Милой моей барыне Любовь Андреевне Раневской - Верочке Кузьминичне посылаю баночку варенья из нашего вишневого саду. Ваш верный слуга Фирс - Кузьмич".

Итак, я - Раневская, пытаюсь оторваться от сундучка, на котором сижу. Но трудно, как от гроба родного человека. Плакать нельзя, но не плакать невозможно. Брат нашел мою руку. Вот как артист Бутрехин, которого я очень люблю в этой роли, говорит про эту минуту: "Последний акт, акт прощания с именем, с партнерами, с оформлением. Я говорю, как бы призывая к мужеству: "Сестра моя! Сестра моя!" Но мне легче, я знаю, что будет еще "Вишневый сад" и еще придет Васильева, и еще раз мы вместе переживем радость творчества".

Да, я чувствую, как брат мой по сцене Гаев, как брат мой по профессии Николай Бутрехин поддерживает меня. Нашла в себе силы на последнее прощание. Встала, иду на авансцену. Смотрю в зрительный зал. Это - мой вишневый сад, моя жизнь, мой близкий конец в театре, потому что возраст, - и все скоро уйдет. А другой жизни нет и не будет. Нет сильнее страсти, нет большего счастья и горя: "О, мой милый, мой нежный, прекрасный сад! Моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай!.. Прощай!"

Последний раз взглянула вокруг с благодарностью за все - за жизнь, за счастье и муку. Приняла свою судьбу, свой конец и уже спокойно, мужественно, опустив вуаль, чтобы не видели моих глаз, выражения лица, говорю: "Мы идем!"

Вот я и попыталась рассказать, что чувствую, как воспринимаю свою любимейшую роль, свою жизнь в этой роли... Но это - я сама. А как отнесся к моей работе зритель, мне отвечать не полагается.

Может быть, в рассказе об этой роли я слишком многословна и не очень скромна. Но ведь она у меня - как незаконный ребенок, родившийся вопреки всему, ребенок, рожденный в любви.

Я уже много раз говорила, что эта роль, это соприкосновение с Чеховым подарило мне много замечательных встреч с добрыми, талантливыми людьми, точно добрые нити протянулись от одного к другому, соединили нас, не закрепляя ничего ненужного словами и в то же время давая ощущение человеческого доброго союза.

Иногда вместе со мной в Тверь ездили критики - чеховеды, оглушенные отрывом от сумасшедшей Москвы, очарованные тишиной маленького русского города на Волге, скромным, но таким преданным искусству театром и его людьми, работающими так трудно, как нам, столичным артистам, уже и не понять, что такое может быть в наше время. Уезжали они притихшие и благодарные, и потом, спустя месяцы, вдруг я почувствовала добро, рожденное этим спектаклем, этой ролью.

И еще одно я хочу сказать. Играя в Тверском театре только этот спектакль, я обратила внимание на ту атмосферу духовной деликатности, которой веяло от его исполнителей. Мне кажется, играя Чехова, актеры открывают в себе самые лучшие черты, которые, может быть, почти незаметны в житейской суете.

Иногда с этим спектаклем происходили удивительные ситуации. Когда Тверской театр (и я с ними) гастролировал в Минске, произошло интересное событие: в театрах Минска шли одновременно три "Вишневых сада" - Минского драматического театра, моего родного Театра сатиры, который в это время гастролировал там же, и Тверского драматического театра. Соответственно было и три Раневских: Ада Роговцева, Раиса Этуш и я. Газета "Советская Белоруссия" откликнулась на это событие 25 июля статьей под названием "Три вариации на одну тему" (автор Д. Манаева).

Было непривычно оказаться в такой ситуации, когда твой родной театр показывает твою любимую пьесу, а ты играешь с другим коллективом и на другой сцене. И так отчаянно хотелось, чтобы художественный руководитель, товарищи пришли посмотреть, высказать свое мнение... Но ..

В большой обзорной статье Галины Ефимовны Холодовой, опубликованной в год 125-летия со дня рождения Антона Павловича Чехова в журнале "Театр" (№ 1, 1985 г.), разбирая восемь спектаклей "Вишневый сад", показанных разными театрами, автор говорит и обо всех исполнительницах роли Раневской. Это Алла Демидова, Руфина Нифонтова, Алиса Фрейндлих, Ада Роговцева, Раина Праудина, Татьяна Еремеева, Раиса Этуш, Татьяна Лаврова, Анастасия Вертинская и я. Исследование о каждой исполнительнице очень тонкое, подробное. Думаю, что те, кого заинтересует это исследование, смогут найти эту статью. Приведу только несколько строк:

"...Оказывается, с недавних пор актриса московского Театра сатиры Вера Васильева ездит в Тверь и выступает там в старом, с десятилетним стажем, "Вишневом саде" в новом для себя амплуа. Так бывает. Режиссер ставит "Вишневый сад" с одной актрисой, которую он представляет себе в образе Раневской, а в той же самой труппе есть другая потенциальная Раневская, которую он не видит, а возможно и не одна...

Для сегодняшнего контекста, а вернее, подтекста сценической жизни Чехова подобное стечение обстоятельств весьма характерно... У Васильевой своя Раневская, и ей важно передать острое ностальгическое состояние этой чеховской женщины. Не только ее непреодолимую тягу к невозвратной счастливой юности, к тяжелому свинцовому недавнему прошлому, к безоблачному детству, к старым друзьям, к родным, близким людям.

Прежде всего, потребность вернуться к себе самой. К себе изначальной, какой она была давным-давно, до того, как ее сформировала прожитая жизнь, и к себе сложившейся, какой ее в итоге сформировали прожитые годы, пережитые страдания. То есть к себе истинной-такой, какую пока что знает только она одна..."

Я не буду продолжать цитировать эту статью - при желании ее можно прочесть, но даже в этом небольшом отрывке, не зная меня, моей жизни, Г. Е. Холодова почувствовала за ролью именно то, о чем я и пытаюсь рассказать в своих воспоминаниях.

Мне кажется, что в этой роли я выразилась до конца и как человек, совершив для себя серьезный поступок, и как актриса. Я впервые сама "пропела свою песню", до конца обнажив душу, и испытала огромное счастье!

Я бесконечно благодарна Вере Андреевне Ефремовой, которая предоставила мне возможность этой работы и поддержала меня в каждом движении души, не помешав своим диктаторским правом режиссера, а наоборот, через меня выразила и свою женскую сущность.

Я благодарна своим партнерам, с ними я больше десяти лет была связана благородным духом Чехова и актерским братством, которое, к сожалению, редкость в нашей жизни.

Благодарю всех, кто после этой роли одарил меня своим сердцем.

Я думала, что о "Вишневом саде" высказалась до конца, и вдруг... жизнь снова дала мне неожиданный поворот.